

Стоило им войти в город, как праздничное оживление прежних мест бесследно испарилось. Прохожие здесь вечно куда-то спешили, опустив глаза, а добрая треть лавок и магазинов по обочинам дорог стояла заколоченной. В темных подворотнях и глухих переулках ютились беженцы — одни безмолвно протягивали руку за милостыней, другие безжизненно лежали на сырой земле. Время от времени по улицам проходили дозоры стражников, бесцеремонно разгоняя несчастных, лишь бы те своим изнуренным видом не портили облик главной мостовой.

Если уж на широком проспекте творилось подобное, то в закоулках дела обстояли куда плачевнее.

Путники долго бродили по городу, прежде чем наткнулись на работающий постоянный двор. Тот оказался довольно просторным и оживленным — под его крышей собралось множество проезжих купцов и странников, держащих путь с севера на юг и обратно.

Плата за ночлег оказалась вполне сносной, а вот цены на еду потрясли воображение — они превосходили расценки соседнего округа более чем в десять раз.

Заметив недоумение на лицах новоприбывших, трактирщик привычно вздохнул:

— Господа, наш постоянный двор — старейший в этих краях. Поверьте, мы вовсе не пытаемся обобрать вас среди бела дня. Просто припасы нынче обходятся втридорога, а торговать себе в убыток никто не станет. Вы люди почтенные, книжные, сами должны понимать: наш округ из года в год терпит бедствия. Государственная помощь — что капля в море, оттого и цены в городе растут как на дрожжах. Местным жителям уже и чашка риса не по карману. То, что мы вообще ухитряемся подавать горячую пищу, — чистой воды чудо. Остальные-то заведения давно закрылись.

Трактирщик уныло покачал головой. Было очевидно: при таких заоблачных ценах и его заведение рано или поздно пойдет с молотка.

Хо Фэнле спорить не стал — молча достал кошель и отсчитал нужную сумму.

Хозяин наотрез отказался накрывать им стол в общем зале. Он опасался, что проходящие мимо дверей голодные беженцы завидят еду.

— Бывает, отчаявшиеся от голода люди врываются прямо внутрь и вырывают куски из рук, — шепотом пояснил он. — Если поднимется переполох, никому мало не покажется. Лучше пусть слуга принесет все прямо к вам в покои.

Поднявшись к себе, они распахнули ставни. Окна выходили прямо на широкую улицу. Закатное солнце красило черепичные крыши в багрянец — зрелище, которое в иное время показалось бы величественным и прекрасным, но сейчас лишь подчеркивало гнетущее безмолвие угасающего города.

Лю Чжэньцин устроился на подоконнике, подобрал под себя ноги, и безучастно созерцал раскинувшуюся внизу картину. Лицо его оставалось непроницаемым, а мысли витали где-то далеко.

Вдруг его негромко окликнул Хо Фэнле. Обернувшись, Лю Чжэньцин увидел, что тот указывает на странный узор, вырезанный на одной из деревянных балок.

Приглядевшись, он узнал уже знакомое клеймо секты Небесного покровительства. Здесь знак был выполнен с особым изяществом, искусно замаскированный под обычную резьбу по дереву.

Вскоре постучали — слуга принес ужин. Разумеется, о разносолах, какими их потчевали в сытых краях, не шло и речи, однако Хо Фэнле все же ухитрился раздобыть для Лю Чжэньцина блюдо из рыбы.

Разглядывая осунувшееся, изможденное лицо юноши с подносом, Лю Чжэньцин участливо поинтересовался:

— Братец, а ты сам-то разве не досыта ешь?

Паренек испуганно вздрогнул и замахал руками:

— Что вы, уважаемый гость! Клянусь, я и крошки с вашего подноса не тронул! Хозяин кормит нас, слуг, голодными мы не ходим!

Хо Фэнле, прекрасно понимая, к чему клонит его спутник, негромко добавил:

— У тебя дрожат руки. Так бывает, когда человек не ел с самого утра.

Слуга смутился и виновато опустил глаза.

Лю Чжэньцин решил воспользоваться моментом. Слаженно, без слов переглянувшись с генералом, он выудил из тарелки два пышных мясных пирожка и протянул пареньку:

— Держи, подкрепись. А заодно побеседуй с нами немного.

Тот уставился на угощение круглыми от изумления глазами — в нынешние голодные времена два мясных пирожка стоили целое состояние.

— Уважаемые господа, — пролепетал он, — я готов рассказать все, что знаю, и без всякой платы... А пирожки...

— Нехорошо отнимать у тебя время задарма. Садись да ешь, — мягко улыбнулся Лю Чжэньцин.

Паренек несмело примостился на край табурета. Первый пирожок он проглотил почти мгновенно, едва успевая прожевывать, а вот второй бережно зажал в ладони.

— Расскажи, почему ты ходишь голодным, если хозяин исправно выдает еду? — спросил Лю Чжэньцин.

Юноша тяжело вздохнул:

— В нашей семье только я один при деле. Остальные — простые крестьяне, спины на пашне гнут. Из-за неурожая и засухи закрома опустели, мы едва сводим концы с концами. Взрослые еще могут потерпеть, а вот старикам да малым детям совсем худо. Вот я и урезаю свою долю: половину того, что выдает хозяин, прячу за пазуху и несу домой, чтобы хоть как-то их поддержать.

— Как обстоят дела с раздачей казенного зерна? — спросил Хо Фэнле.

— Эх, — махнул рукой слуга. — Управа раздала бедноте дощечки с номерами. Четные номера получают похлебку по четным дням, нечетные — по нечетным. Вот и выходит: день жуешь, день зубы на полку кладешь. Да и в те дни, когда раздача есть, кормят всего раз. Но у нас-то в городе еще терпимо, мертвецов с улиц не каждый день убирают. А в глухих деревнях — сущий ад. Туда повозки с зерном вовсе не доезжают. Бывает, целыми селениями вымирают. Я видел тех, кто сумел выбраться из тех мест... Не люди — живые скелеты, рассудок от голода потеряли. Вы, господа, люди добрые, щедрые, но умоляю вас: если встретите на дороге беженцев, не вздумайте подавать им пищу! Окружат толпой, разорвут на части. Доброта нынче дорого обходится, не ровен час — сами пострадаете.

Лю Чжэньцин и Хо Фэнле переглянулись. Обоим было ясно без слов: если беженцы доведены до такого скотского состояния, значит, казенный хлеб распределяется из рук вон плохо. Чиновники попросту махнули рукой на дальние уезды, бросив людей на произвол судьбы.

Похоже, дела обстояли куда сквернее, чем они предполагали.

Лю Чжэньцин, прикинувшись праздным зевакой, небрежно указал на знак на балке:

— Послушай, братец, а что это за узор такой? Мы, пока ехали сюда, частенько его встречали.

При взгляде на клеймо лицо паренька озарилось благоговейным трепетом:

— О, это знак секты Небесного покровительства! Господа, вы и представить себе не можете, какое это благословение. Они — истинные спасители, ниспосланные нам свыше. Не будь их, мы бы давно все в сырой земле гнили. Наша управа ведь палец о палец не ударит, да и

императорскому двору до нас дела нет. Мы-то знаем: дотации эти присланные — сущие слезы, да и те разворовывают по дороге. Эх, во всем виноват тот проклятый временщик, бывший канцлер Лю!

Лю Чжэньцин едва не поперхнулся воздухом. «Ну надо же, опять помянули добрым словом!»

Слуга распинаясь с таким жаром, что даже не заметил, как потемнело лицо сидящего напротив генерала:

— Девять лет назад тут творилось нечто невообразимое. Сплошная сушь, голод, а этот негодяй Лю потакал своим прихвостням-чинушам, позволяя им обдирать нас до нитки. Я тогда совсем малым был, но до сих пор помню вкус гнилой шелухи, которой нас кормили — скотине и то лучше дают! Народ выл от отчаяния. Потом, конечно, нескольких крупных воров на плаху отправили, но мелких-то крыс осталось без счета. Не иначе как для него же, лиходея, казну набивали! Нынешний государь, да продлит Небо его дни, присылал новых чиновников, да только толку мало. Округ наш из-за того подлеца Лю лишился всяких жизненных сил, фэншуй этих мест безвозвратно осквернен. Нам уже вовек не подняться.

— Кхм... Давай лучше о секте Небесного покровительства, — торопливо вмешался Лю Чжэньцин, заметив, как опасно сжались челюсти Хо Фэнле. Навлекать на себя гнев грозного воителя ему сейчас совсем не хотелось.

Стоило изменить тему, как паренек вновь расплылся в улыбке:

— Да, да! Все благодаря Секте! В этом году засуха лютует пуще прежнего, многие уже готовились к худшему. Но те, кто примкнул к братьям-покровителям, не просто сыты по горло, они еще и ухитряются отправлять мешки с мукой своим родным. Жаль, меня в их ряды не приняли — отбор там строгий. А не то я бы давно облачился в белые одежды!

Лю Чжэньцин с улыбкой прищурился:

— Но ведь ты и сейчас не умираешь с голоду, работаешь и приносишь припасы семье. В чем же разница?

Слуга растерялся, почесал затылок и пробормотал:

— Ну... это совсем другое. Здесь я спину гну с утра до ночи, с ног валюсь от усталости, а брюхо все равно урчит.

— Вот как? Значит, в секте можно сытно есть и бить баклуши целыми днями? — лукаво протянул Лю Чжэньцин.

Паренек замаялся. Откуда ему было знать, чем именно занимаются новообращенные за

закрытыми дверями обители? Он лишь видел, что их семьи не знают нужды. Но если подумать... действительно, какая разница, где проливать пот, если итог один?

Некоторое время он растерянно моргал, пытаясь найти возражение, но вера в «священное спасение» быстро взяла верх:

— О! Вспомнил! — просиял он. — Как раз сегодня вечером состоится торжественное шествие Божественной девы! Оно проходит раз в три дня. Вы сами все увидите и почувствуете, сколь милосердны к нам небесные заступники.

Это была зацепка, заслуживающая внимания.

Когда на город опустились сумерки, за окном началось непривычное оживление. Лю Чжэньцин по-прежнему сидел на подоконнике, а Хо Фэнле бесшумной тенью вырос у него за плечом. Вскоре издали донеслись звуки флейт и барабанов — торжественная, неземная мелодия, словно возвещающая о сошествии божества на грешную землю. Вдоль мостовой выстроились толпы горожан, среди которых преобладали оборванные беженцы. Впереди процессии шагали стражники из городской управы, грубо расчищая дорогу и выстраивая оцепление. Подобные почести обычно оказывались лишь высокопоставленным чиновникам. Это зрелище окончательно подтвердило догадку: местная власть спелась с сектантами, иначе с какой стати казенные служащие стали бы охранять чужой парад?

Забавно получалось: несчастный люд вроде этого трактирного слуги боготворил секту Небесного покровительства, но люто ненавидел официальные власти, искренне полагая, что спасение придет от святых отцов, а не от престола Великой Чжоу. Игра в «доброго и злого следователя» велась поистине виртуозно.

Из-за поворота медленно выплыло торжественное шествие. Впереди и позади шествовали облаченные в белоснежные халаты адепты: одни оглашали окрестности музыкой, другие несли плетеные корзины, третьи — с мечами наголо — охраняли покой процессии, а в самом центре вышагивали дюжие молодцы, несшие на плечах огромный паланкин.

Все взоры, разумеется, были прикованы к возвышению, где неподвижно восседали десять дев в чистейших белых уборах.

Одежды их струились, как горный снег, а лица скрывали тонкие шелковые вуали, сквозь которые угадывались изящные черты юных девиц. Плавные изгибы тонких станов не оставляли сомнений: каждая из них была писаной красавицей.

Они замерли в изысканных позах, сложив пальцы в причудливые священные мудры. Устремив отрешенный взгляд вдаль, девы казались выточенными из нефрита изваяниями. Когда темп музыки замедлялся, идущие внизу служки принимались горстями бросать в толпу куски лепешек и сушеного маньтоу.

Этой милостыни едва ли хватило бы на десяток ртов, но истощенные люди бросались на нее с яростью диких зверей. Сотни рук тянулись к грязной мостовой, толкаясь и топча друг друга. Однако приблизиться к паланкину никто не смел — страх перед святотатством держал толпу на расстоянии. Те немногие счастливые бедняки, кому посчастливилось ухватить заветный кусок хлеба, тут же падали ниц, разбивая лбы о камни и заходясь в благодарных слезах.

Для темного люда происходящее казалось чудом и милостью небес, но у Лю Чжэньцина это зрелище вызвало лишь глубокое отвращение. Вожаки секты мастерски играли на чувствах отчаявшихся бедняков. Пользуясь их ненавистью к продажной управе, они за ничтожные крохи покупали верность тысяч душ, заставляя тех молиться на своих благодетелей.

Впрочем, нельзя было исключать, что чиновники и сектанты действуют заодно. Чего же они добиваются?

Банальной наживы или чего-то куда более опасного?

Хо Фэнле упоминал, что прибыл сюда по секретному указу императора, дабы расследовать хищения казенных средств и халатность местных властей. Однако теперь становилось ясно, что ниточки этого заговора ведут гораздо глубже. Лю Чжэньцин искоса взглянул на стоявшего рядом генерала, гадая, понимает ли тот всю сложность ситуации, и раздумывал, стоит ли высказать свои подозрения вслух.

Но размышления прервал тихий голос Хо Фэнле:

— Эти девы... они обездвижены. Кто-то искусный заблокировал их акупунктурные точки.

Лю Чжэньцин тут же обернулся к нему:

— Хочешь сказать, их удерживают силой, оттого они и сидят как каменные?

Генерал молча кивнул.

— Ну надо же. Выходит, пресловутые «небесные девы» — вовсе не добровольные заступницы. Секта поет ласковые песни, а сама не гнушается насилием. Похоже, у этих праведников немало скелетов в шкафах, — с живым интересом проговорил Лю Чжэньцин.

— Я должен проследить за ними, — твердо произнес Хо Фэнле и устремил на него пристальный взгляд.

Лю Чжэньцин растерянно моргал:

— Что ж, ступай. А я подожду тебя здесь, в тепле.

Хо Фэнле не шелохнулся, продолжая упорно смотреть на спутника.

Лю Чжэньцин ахнул от удивления:

— Ты ведь это несерьезно? Хочешь взять меня с собой? Помилуй, я же и шага без одышки ступить не могу, никакой кулачной науки не знаю — буду лишь обузой! Не ровен час, спутнем их раньше времени.

— Мне нужен тот, кто умеет думать наперед, — спокойно отозвался Хо Фэнле. — Твой ум острее моего.

У Лю Чжэньцина нервно дернулся уголок губ.

"И надо же ему говорить столь обезоруживающую правду..." — мысленно усмехнулся он.

То, что генерал без колебаний доверял ему столь опасную вылазку, означало одно: Хо Фэнле окончательно свыкся со способностями нового Лю Сяочжу и видел в нем равного соратника.

Раз отказываться было бесполезно, Лю Чжэньцин лишь вздохнул:

— Что ж, ежели запахнет жареным, уповаю на то, что генерал Хо...

— Пока ты рядом, — мягко, но непреклонно перебил его Хо Фэнле, — ни один враг пальцем тебя не тронет. О твоей безопасности я позабочусь лично.

Эти слова придали уверенности. С таким защитником, как этот непобедимый воин, можно было не бояться даже целой армии сектантов.

Процессия уже сворачивала на окраинную улочку. Мешкать было нельзя. Путники бесшумно выскользнули из комнаты и поспешили следом.

Сперва они затерялись среди зевак, увязавшихся за паланкином. Но, обойдя весь город, процессия направилась к выходу.

Тяжелые ворота заставы, запертые на ночь, послушно распахнулись перед священнослужителями. Обычным горожанам путь за стену был заказан — стража грубо преградила дорогу толпе, отсекая зевак от уходящего каравана.

Лю Чжэньцин уже открыл рот, собираясь спросить, как они преодолеют преграду, но Хо Фэнле лишь тихо шепнул:

— Держись крепче.

В следующий миг сильные руки обвили вокруг его талии, прижимая к широкой груди. Прежде чем Лю Чжэньцин успел сообразить, что происходит, они взмыли в воздух. От неожиданности у него перехватило дыхание; инстинктивно он мертвой хваткой вцепился в шею генерала. От резкого движения он с размаху ткнулся носом прямо в жесткую щеку воина. В переносице остро закололо, брызнули слезы.

Оставалось лишь благодарить судьбу за то, что в прошлой жизни Хо Фэйхань частенько таскал его по крышам, приучив к полетам, иначе сейчас истощный вопль Лю Чжэньцина переполошил бы всю стражу на крепостной стене.

Спустя пару мгновений свист ветра в ушах прекратился, и они мягко опустились на траву уже по ту сторону крепостного вала.

Переведя дух и потирая ушибленный нос, Лю Чжэньцин с укором простонал:

— Генерал Хо, умоляю, предупреждай о таком заранее! Неужто тебе совсем не страшно, что я от испуга на весь уезд закричу?

Но Хо Фэнле даже не подумал выпустить его из объятий. Напротив, он лишь крепче прижал его к себе и шепнул на ухо:

— Хорошо. Держись, взлетаем.

— Что?..

И вновь земля ушла из-под ног. Генерал, словно невесомый лепесток, понесся над верхушками кустов, нагоняя ушедший караван.

Мало-помалу Лю Чжэньцин притерпелся к бешеной скачке. Смущало лишь одно обстоятельство — и вовсе не то, что его, взрослого мужчину, держали на руках. Просто в былые времена он сам таскал маленького Эрдгоу на закорках, спасая от опасностей. А теперь этот сорванец вырос в могучего воина и играючи носил его по воздуху. Это рождало странное, щемящее чувство, смешанное с непонятной гордостью.

За воротами сразу начинался густой лес, надежно скрывавший преследователей от чужих глаз. Пробираясь сквозь заросли, они заметили нечто странное: к хвосту процессии незаметно пристроилось несколько тяжелых крытых повозок. Трудно было сказать, ждали ли они у ворот или прятались в чаще, но теперь весь этот странный обоз единым строем углублялся в лесную глушь.

Хо Фэнле, не спуская глаз с каравана, бесшумной тенью скользил меж вековых стволов,

выбирая самые густые тени.

Лю Чжэньцин, лишенный духовного зрения мастеров ушу, в ночной тьме мало что мог разглядеть, а потому послушно притих. Заняться было нечем, и он принялся разглядывать профиль Хо Фэнле. Мужественные, резкие черты лица, волевой подбородок, прямая линия носа... Чем дольше Лю Чжэньцин всматривался, тем отчетливее понимал: а ведь его маленький Эрдгоу вырос на редкость красивым мужчиной. В груди разлилось теплое, отеческое удовлетворение.

Взгляд его, должно быть, оказался слишком пристальным. Хо Фэнле не выдержал, слегка смущенно покосился на него, безмолвно призывая не отвлекать от дела.

Лю Чжэньцин невинно захлопал ресницами. К счастью, долго мучить генерала своим созерцанием ему не пришлось — они достигли цели.

Перед ними предстала огромная усадьба, притаившаяся в ущелье. Посреди глухой тайги высился роскошный терем, залитый огнями. Повсюду сновали служки в белом, а внешние стены обходили многочисленные дозоры — хозяева явно опасались незваных гостей. Чуть поодаль, прямо в скале за усадьбой, виднелся зев пещеры, откуда тоже струился мягкий свет. Место казалось крайне подозрительным.

К тому же здесь, наверху, воздух казался на удивление горячим и влажным, совсем не похожим на прохладный ночной ветерок у подножия горы.

Выждав, пока патрули разойдутся, Хо Фэнле увлек Лю Чжэньцина за собой. Бесшумно перемахивая с крыши на крышу, они почти добрались до главного дома, как вдруг снизу донесся отчаянный женский крик. Сквозь закрытые двери пробивался молящий о помощи плач.

Пройти мимо они не могли. Убедившись, что во дворе пусто, Хо Фэнле соскользнул вниз вместе со спутником. Дверь флигеля оказалась закрыта на массивный засов с цепью. Один короткий удар верного клинка — и звенья с тихим звоном разлетелись в стороны. Распахнув створки, генерал жестом велел Лю Чжэньцину оставаться снаружи, а сам стремительно ворвался внутрь.

Лю Чжэньцин все же заглянул внутрь. В нос ему сразу ударил сладковатый, дурманящий аромат. Он слегка нахмурился — этот запах показался ему смутно знакомым. В полумраке комнаты мужчина лет сорока с налитыми кровью глазами, словно безумный, преследовал юную девушку.

Несчастная была облачена в то самое белое одеяние «божественной девы», что они видели на площади.

Мечась по комнате, она заливалась слезами и, едва завидев спасителя, бросилась к его ногам:

— Спасите! Умоляю, спасите!

Хо Фэнле заслонил ее собой. Когда безумец попытался броситься на них, генерал точным ударом ноги отправил его в полет до противоположной стены. Однако стоило ему сделать глубокий вдох, как он почувствовал неладное и тут же закрыл лицо рукавом.

— Здесь яд! Назад! — глухо крикнул он.

Лю Чжэньцин, смекнув, в чем дело, поспешно увлек девушку к выходу. Сбитый с ног мужчина, отплевываясь кровью, упрямо полз в их сторону, оглашая комнату диким рычанием. Хо Фэнле уже занес руку с мечом, собираясь вырубить его рукоятью, но девица испуганно закричала:

— Не убивайте его! Он хороший человек, благочестивый чиновник! Его опоили злым зельем, он не виноват!

Тяжелый удар эфеса пришелся точно в солнечное сплетение. Безумец охнул и обмяк. Перехватив обморочного за шиворот, Хо Фэнле одним рывком вытащил его на свежий воздух.

— Сюда! — шепнул Лю Чжэньцин, приметив приоткрытую дверь соседнего покоя.

Остаться на виду было опасно. Заведя пленников внутрь, он наскоро набросил цепь на кольца прежней двери, чтобы скрыть следы взлома, и юркнул вслед за генералом.

В камерке было темно. Девица забилась в самый угол и мелко дрожала. На полу лежал без чувств чиновник. Его лицо искажала гримаса муки, дыхание было хриплым и прерывистым, а натянутые штаны недвусмысленно выдавали действие сильнейшего возбуждителя.

Что за благовония курились во флигеле, объяснить не требовалось.

К счастью, у Лю Чжэньцина при себе всегда имелись целебные пилюли. Он держался у самого порога и почти не наглотался отравленного дыма, так что чувствовал себя вполне сносно.

А вот его спутнику повезло гораздо меньше.

— Господин, — прерывающимся от рыданий голосом прошептала девушка, — те благовония... это сильнейшая любовная отравка! Она лишает рассудка и превращает людей в диких зверей. Что же нам делать?

Она испуганно покосилась на бесчувственного чиновника, а затем перевела полный ужаса взгляд на Хо Фэнле. Тот пока держался на ногах, но яд уже всю хозяйничал в его теле.

Лю Чжэньцин посмотрел на генерала, который уже устроился на полу и пытался подавить действие яда с помощью внутренней силы Ци. Поначалу ситуация казалась Лю Чжэньцину почти комичной. Но стоило ему потянуться к заветному флакону с противоядием, как Хо Фэнле резко распахнул глаза. Их белки налились багровым цветом, а во взоре вспыхнуло дикое, пугающее пламя первобытной страсти.

Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, генерал рывком поднялся на ноги и хищной тенью метнулся к ним.

— Ой! Не надо!.. — вскрикнула девица и попыталась отползти в сторону, страшась участи незащитной жертвы.

Лю Чжэньцин посерьезнел. В таком состоянии обезумевший мужчина при виде юной девы окончательно лишится остатков разума. Заслонив плачущую девушку собой, он решительно преградил генералу путь и скомандовал:

— Беги отсюда! Живо!

Однако испуганный вскрик девицы оборвался на полуслове, так и не добравшись до двери. В полумраке каморки раздался глухой, хриплый мужской вздох.

Мир вокруг стремительно перевернулся. Лишь когда перед глазами Лю Чжэньцина поплыли темные потолочные балки, до него дошло: его только что сбил с ног и подмял под себя собственный воспитанник.

Он ощутил всем телом тяжесть крепких, натянутых как струна мышц. Ситуация принимала весьма двусмысленный оборот. Вдруг у самого его уха раздалось горячее, прерывистое дыхание, а шею опалило обжигающим прикосновением губ. Лю Чжэньцина захлестнула волна жара, смешанная с изумлением, но поверх всех этих чувств из глубины души невольно поднялся тихий, ласковый смех.

<http://bllate.org/book/20542/2214604>